

От «Соловецкого камня» до «Московского такта»

В канун 80-летия поэта Валерия Алексеева наш корреспондент встретился с юбиляром и задал ему несколько вопросов.

- Расскажите о самых важных событиях вашей жизни.

В 1939 году в газете «Орский рабочий» были опубликованы мои первые стихи. Позднее мои стихи периодически печатались в городских, областных и центральных газетах, начиная от ангарской городской газеты «Знамя коммунизма», «Восточно-Сибирской правды», «советской молодежи» и кончая «Строительной газетой» и «Комсомольской правдой».

Позднее. Конечно, я понял, что все эти стихи были далеки от истинной поэзии. Но не сразу дом стоится и пишутся настоящие стихи.

Ни один из поэтов, включая Маяковского и Пастернака, не миновал газетных страниц.

Вспоминая важнейшие события своей жизни, я не могу не вспомнить о войне, о гибели старшего брата под Сталинградом 6 декабря 1942 года. До сей поры не могу забыть ГУЛАГ, день ареста и день своего освобождения из Китойлага 1 июня 1954 года.

А 8 марта 1958 года я вспоминаю не как Международный женский день, а как день кончины моей матери, о которой я написал когда-то.

Никто из нас не думает о смерти,

Покуда мать родимая жива.

К числу важнейших событий моей жизни следует также отнести издание моей первой книги «Закон движения» в 1962 году и «Станции Свеча» (1981г.) – третьей книги, по которой я был принят в члены Союза писателей СССР.

К моему 70-летию в Восточно-Сибирском книжном издательстве в 1992 году в серии «Сибирская лира» вышла моя юбилейная книга «Баллада о колокольне».

Пять лет спустя, к 75-летнему юбилею, вышла в свет моя итоговая поэтическая книга – «Соловецкий камень», в которую вошли стихи из ранее изданных книг, а также новые стихи.

- Сейчас вы заняты прозой. С чем связана перемена жанра?

Я занялся прозой не только потому, что, как говорил Александр Сергеевич:

Лета к суровой прозе клонят,

Лета шалунью-рифму гонят.

а, главным образом, потому, что пласт жизни толщиной, как минимум, в полвека невозможно уложить в стихи, поэтому и пришлось мне перейти на прозу и проделать «кандалный» путь от «Соловецкого камня» к «Московскому тракту».

Жизнь сталкивала меня с интересными людьми на воле и в ГУЛАГе, в Москве и за Полярным кругом, не говоря уж об Ангарске, «где каждый встречный – друг или знакомый», о который я непременно обязан написать, иначе я не выполню своего долга перед ними.

Однако не надо думать, что я полностью перешел от стихов к прозе, стихи писать я уже не брошу никогда.

- Что для вас поэзия? Смысл жизни, прекрасный досуг или что-то еще?

Для меня поэзия и проза (сейчас я их не разделяю) не являются ни смыслом жизни, ни прекрасным досугом. Это просто дело всей моей жизни. Оно существует независимо от меня, и я должен отдаваться ему весь целиком, без остатка.

А как выразить задуманное или пришедшее по наитию, решится само собой. Интуиция сама приведет автора к прозе или стихам.

Прошли времена, когда я писал стихи по заданию, по требованию времени, по велению эпохи. Сейчас стихи рождаются сами собой, и я над ними не властен.

Я не могу сказать, что я доволен своей прозой или стихами. Я всю жизнь не удовлетворён своей работой и в этом вижу «закон движения вперед», от первой книги до последней.

- Расскажите о своих новых стихах?

Недавно я закончил цикл стихов «Колесо фортуны», который будет напечатан в первом номере журнала «Сибирь» за этот год. Кроме того, продолжаю работу над сборником лирических стихов «Тебе о тебе». Если позволит газетная площадь, то предложу вниманию читателей несколько новых стихотворений.

- Есть ли у вас любимый поэт, поэт-кумир?

Любимый поэт у меня, безусловно, есть. И к тому же не один, их очень много, потому что нельзя представить мировую поэзию, называя имена одних поэтов и забывая других. Чем Варлен хуже Бодлера, почему, упоминая Гарсиа Лорку, мы ни слова не говорим о Пабло Неруде и Габриэле Мистраль? Не худо бы вспомнить талантливых российских и наших иркутских поэтов.

Но если речь идет о кумирах, то моим кумиром с детских лет является Лермонтов. Стихи о нем, написанные мной давным-давно, были в свое время

опубликованы самим Ираклием Андрониковым в «Литературной России». Вот они:

Мне мать читала Лермонтова в детстве,
И с той незабываемой поры
Вокруг меня, с реальностью в соседстве,
Живут необычайные миры.
Я в них вхожу, их тайны открываю:
То одиноким парусом плыву,
То Демоном над пропастью взмываю
И чудачком у недругов слыву.
Я вскакиваю за полночь с кровати
От мысли, обжигающей, как бич:
Всей жизни, мне отпущенной, не хватит
Галактику стихов его постичь.

Ираклий Луарсабович подвигнул меня к написанию целого цикла стихов о Лермонтове. И такой цикл мной был написан, его можно найти в «Словецком камне».

- Как вы относитесь к новомодным веяниям в поэзии (стихи без знаков препинания, без заглавных букв и т.п.)?

Категорически отрицательно. Мы уже настолько испакостили «великий и могучий русский язык» в обыденной жизни и средствах массовой информации (не говоря уже о сленге, лагерной «фене» и жаргоне), что нашим потомкам придется когда-нибудь изучать русский язык, начиная с древних летописей и «слова о полку Игореве».

- Что является импульсом для рождения стиха (встреча, событие)?

Вспомните строчки Анны Ахматовой:

Когда б вы знали из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда?!

Поводом для рождения стиха может послужить всё что угодно: встреча с любимой женщиной или с без вести пропавшим другом, а также любое событие (наводнение, пожар, землетрясение), а бывают стихи неизвестно откуда.

В прошлом году газета «Зеленая лампа» приводила в качестве примера рождения таких стихов следующие мои строки:

Ошибались люди, ошибались,
С колокольни оземь расшибались,
И под окровавленную пыль
Трепетали сломанные крылья.
Ошибались люди, ошибались,

В дальнюю дорогу снаряжались,
В Индию на каравеллах плыли,
По ошибке Новый свет открыли.

Как и когда родились эти стихи, я вам ответить не смогу. Это все происходит помимо моей воли и сознания. Конечно я смогу сесть за стол и написать стихи на любую тему, но стихи, написанные по принуждению, - это тоже самое, что бумажные цветы, ни живого цвета, ни запаха настоящего.

- Что для вас Ангарск? Место проживания или нечто большее?

Что вам ответить на ваш вопрос? В «Соловецком камне» напечатаны тридцать стихотворений об Ангарске. Они не все равноценны. Но это же, по сути дела, книги в книге. Я написал об Ангарске стихов больше, чем о Москве, Ленинграде и Сочи вместе взятых.

Более того, в 1962 году, когда вышла моя первая книга стихов, у меня появилась возможность жить и работать в Москве. Постановлением Президиума Верховного Совета Союза ССР от 9 мая 1956 года с меня была снята судимость, и я мог ехать на все четыре стороны, куда угодно.

После победы на поэтическом конкурсе, посвященном 50-летию г. Сочи, и выхода в свет моей поэмы о Николае Островском «Бинокль комиссара» мне была предложена работа в редакции сочинской газеты «Красное знамя» (ныне «Черноморская здравница»). Однако, как видите, никуда я не уехал, а живу в Ангарске по сей день, потому что Ангарск для меня не место проживания, а «Город моей судьбы», как я сказал в одном из стихотворений. И этим все сказано.

- Что из современной поэзии привлекает ваше внимание?

Свежие интересные стихи, написанные на хорошем русском языке, отличающиеся от остальных «лица необщим выраженьем». Не выношу в стихах ненужной зауми с претензией на оригинальность, натужного выпендривания, вседозволенности, псевдоноваторства, отсутствия основополагающей мысли и требовательности в поэтической работе над стихом.

Такие стихи ничего не дают ни уму, ни сердцу. Не выношу также подражательности и элементарного заимствования интонаций, образов у своих собратьев по перу.

Конечно, трудно предъявлять такие требования молодым поэтам. В юные годы я и сам увлекался символизмом, имажинизмом и даже импрессионизмом. Однажды набрался нахальства и поехал в Переделкино, к Пастернаку, с тетрадкой символистских и импрессионистских стихов.

Боже мой! Кому я только не подражал? Подражал Бальмонту, Блоку, Брюсову и самому Борису Леонидовичу.

Борис Леонидович был вежлив и корректен. Он терпеливо выслушал мои следующие импрессионистские стихи:

Я вижу контуры вокзала,
Огни, людскую суету
И ту, которая сказала,
А может быть, совсем не ту.
Но все равно... Любовь понятна
Млекопитающим и нам.
Хоть, правда, и на солнце пятна,
Однако, стоит верить снам.
Она сказала: «Жди, я еду,
А коль захочется, встречай!..»
И вот я жду. Веду беседу
С самим собою невзначай.
Любовный бред нам всем известен,
Когда не любишь, легче жить...
А ты попробуй жить без мести,
Без лести, без любви любить!
Пожалуй, сердце не позволит,
Да кто в кристальной чистоте
Рискнет и сам себя уколёт,
Распнет, как жертву. На кресте.
В листе бумаги мало проку
Советоваться не пойду.
Я жду. Иду и все мрачнее
Смотрю на привокзальный вид...
«И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд».
(Последние две строчки принадлежали мной обожаемому поэту).

Выслушав меня внимательно, Борис Леонидович прямо сказал:

- Амбиций многовато, а амуниции почти никакой. Не надо никому никогда подражать. Ищите самого себя и обретете.

После этой встречи я больше не осмеливался являться к мэтру, а настоящие стихи о нем написал уже после его смерти.

Да, было время, когда я восторженно относился к Пастернаку и пренебрежительно к Твардовскому (считал его колхозным поэтом).

Но прошло много лет, и Пастернак стал другим. Он прошел путь от импрессионизма к реалиям настоящей жизни. Впервые его на этот подвиг толкнула война, а в «Докторе Живаго» перед нами предстает совершенно

другой Пастернак, в чем-то сродни Твардовскому: та же гениальная простота и четкость поэтического рисунка. Конечно, они разные поэты, но это и хорошо. Но во всяком случае они стоят друг друга.

Отрадно видеть, что наши молодые ангарские поэты заслуженно вошли в российскую поэзию. Успехи их очевидны. Четырехкратные победы на областных конференциях «Молодость. Творчество. современность» говорят о том, что в Ангарске выросла достойная поэтическая смена, и мы, их старшие товарищи, сердечно рады этому. Хочу лишь заметить, что всеми своими успехами наши молодые поэты обязаны не только себе, но и (в первую очередь!) своим учителям: Любви Щедровой, Надежде Кудашкиной и Иннокентию Новокрещенных. Желаю молодой смене новых творческих успехов и «космического» выхода на орбиту российской поэзии. Но пусть они всегда помнят, что:

Вся суть в одном-единственном завете:

То, что скажу, до времени тая,

Я это знаю лучше всех на свете –

Живых и мертвых, - знаю только я.

Сказать то слово никому другому

Я никогда бы ни за что не мог

Передоверить. Даже Льву Толстому –

Нельзя. Не скажет – пусть себе он бог.

А я лишь смертный. За свое в ответе.

Я об одном при жизни хлопочу:

О том. Что знаю лучше всех на свете,

Сказать хочу. И так, как я хочу.

(А. Твардовский)

- Как собираетесь провести свой восьмидесятый день рождения?

Как обычно. До трех часов дня – за письменным столом, а с 6 вечера и часиков до 11 – за обеденным, в кругу родных и близких мне людей.

Мой юбилейный вечер состоится в воскресенье, 26 января 2003 года, в малом зале ДК нефтехимиков. Вход свободный. На этом вечере я встречусь со своими ангарскими и иркутскими собратьями по перу, с моими читателями и почитателями и просто с любителями поэзии. А юбилейную книгу с моими стихами можно приобрести в библиотеке ДК Нефтехимиков.

- Ваш любимый цветок, цвет, время года, погода, город?

Любимым цветком в детстве был ландыш, теперь – багульник. Недаром же я писал, что:

Пусть растворюсь в воде,

В пыли,

Но в час весеннего разгула
Я выплеснусь из-под земли
Разбойным пламенем багула.

Цвет люблю синий, лучшим временем года считаю зиму, наиболее подходящая для творчества дождливая погода. Что касается любимого города, то у меня их несколько: это, прежде всего, Москва, Санкт-Петербург, Сочи. Ангарск, видимо, идет вне конкуренции, потому что даже моя жена, коренная москвичка, на третий день нашего приезда в Москву уже меня спрашивает, взял ли я обратные билеты в Ангарск. Да и меня. Где бы я ни был, даже в Сочи, где жили мои родители, постоянно тянуло в Ангарск. Но я любил и люблю его таким, каким он был, когда не было железных дверей в каждом доме и решеток на окнах. Но они, видимо, исчезнут не скоро и переживут еще не одного президента.

- Является ли для вас вдохновением музыка, какое из музыкальных произведений для вас самое дорогое?

Самое дорогое для меня музыкальное произведение – первый концерт для фортепьяно с оркестром Чайковского в исполнении Вана Клиберна. Люблю классическую музыку и русские народные песни, но им нет места на нашем телевидении.

Нынешние же ежедневные выступления обнаглевших аншлаговцев, Петросяна и его супруги вместе с Пугачевой и Киркоровым категорически не воспринимаю, также как «Большие стирки» и «Окна», между которыми непрерывно идут убийства и грабежи вместе с осточертевшей рекламой. Квартира превращается в сумасшедший дом, жить в котором невыносимо. Конца этой порнухе и чернухе тоже. Видимо, в обозримом будущем не будет.

- Расскажите о встречах, оставивших наибольший след в вашей жизни?

На этот вопрос сможет ответить только моя будущая книга «Московский тракт». Жизнь меня сталкивала с весьма большими и очень интересными людьми, и газетная площадь не позволяет даже вкратце ответить на ваш вопрос.

Вопросы поэту-юбиляру задавал Леонид Беспрозванный.

Валерий Алексеев
Стихотворение из новой книги
«Тебе о тебе»
С.М.

В Колонном – новогодний карнавал,
Гуляет Дед Мороз напропалую.
Я так давно тебя не целовал
И больше никогда не поцелую.
Ты где-то там,
В огнях хрустальных люстр,
С тобою рядом
Мой соперник в маске...
Я даже верить этому боюсь,
Хоть жить привык на свете без опаски.
Ну, что ж?! Ликуй!
Блаженствуй и кружись,
Будь к участи скитальца безучастна...
На зоне бьет ключом
Иная жизнь,
И ты теперь над ней уже не властна.
В окне барачном – звездный карнавал!..
Курю
И пью чифир напропалую.
Я так давно тебя не целовал
И больше никогда
Не поцелую.

Алексеев, В.
Время. – 2003. – 23 янв. – С. 8, 9.